Если честно, я кое-чего не сказал Мафую — с тем кабинетом есть серьёзная проблема: щели между дверью и косяками. Звукоизоляция там не идеальная, так что музыка слышна за пределами кабинета. Несколько дней спустя из-за этого по школе разнесся слух, что после уроков в школьном дворе можно услышать впечатляющее гитарное соло.

— А что это за песня? «Тацуо Камон — молоко из носа»*<http://www.youtube.com/watch?v=aEeELyiLDKg>, эдакая шуточная пародия на Баха.?

— Слышал как-то раз. Если долго слушать, мозги плавятся.

На самом деле это «Токката и fuga в ре-минор» Баха. Ей очень нравится Бах, да? Классный час ещё не начался, и я равнодушно слушал утренние сплетни девчонок, вспоминая композиции, которые исполняла Мафую.

— Вчера она опять играла ту прощальную мелодию. Как же она его быстро играла. Сначала я не мог понять, что это было за произведение.

— А, так это был третий этюд?

Я тоже слышал её гитарную версию. Изначально композицию Шопена предполагалось играть в очень высоком темпе — примерно в четыре раза быстрее, чем современные версии — так что, в каком-то смысле, исполнение Мафую можно назвать правильным на самом-то деле. Мне хотелось сказать это вслух, но тогда все точно начнут называть меня критиком-извращенцем или маньяком-преследователем, поэтому я решил промолчать. Подождите, что за бред? Неужели гены критика, доставшиеся мне от Тэцуро, делают что-то странное с моим телом? Прекратите немедленно!

Раздался звонок, и учитель открыл дверь, а вслед за ним вошла Мафую. Весь класс вдруг затих. Быстро переглянувшись между собой, все расселись по местам, как будто ничего не произошло — единственной, кто не понимал, в чём дело, была сама Мафую. Но все же, похоже, Мафую почуяла неладное. Идя к своей парте, она кидала на всех озадаченные взгляды.

— Не хочешь после уроков пойти послушать?

— Тогда послушаю перед кружком...

Я слышал, как некоторые перешёптывались, и видел, как несколько парней, во всю ухмыляясь, тайком посматривали на Мафую. С тех пор как она перевелась к нам, прошло меньше недели, но количество девчонок, готовых начать с ней разговор, снизилось почти до нуля — наверное, все относились к Мафую как к диковинному зверю.

Однако это стало проблемой и для меня. Тот кабинет был моим местом отдыха, а теперь его занял кто-то другой. Похоже, придется отнять его.

Я придумал план противодействия — закроюсь в кабинете, и Мафую не сможет зайти. Когда только закончился шестой урок — математика — я тут же схватил сумку и, поклонившись учителю, вылетел из кабинета.

Однако, придя к старому музыкальному зданию, я был ошарашен. На двери кабинета уже висел замок. Чёрт бы её побрал — как она посмела сделать это с моей комнатой?!

Пока я смотрел на замок, вспомнил, что у меня в сумке есть скрепка и плоская отвертка. Не стоит недооценивать навыки, которые я приобрел, с детства модифицируя звуковые системы — чтобы взломать такой дешёвый замок, всё, что мне нужно — это длинный тонкий щуп. Нет, тогда это будет считаться преступлением, не так ли? К слову, мне крышка, если кто-нибудь увидит, как я взламываю замок. Но если я поспешу, то это, скорее всего, займет меньше минуты...

— Что ты делаешь?

Вдруг сзади послышался голос. От испуга я чуть не подпрыгнул на три метра. Я повернул голову...

Это Мафую. Она была просто в ярости, и её каштановые волосы как будто стояли дыбом.

— Ты, преступник, наверное, хотел взломать замок, да? Пожалуйста, никогда больше не подходи ко мне.

Так и есть, но кто дал тебе право меня отчитывать?

— Почему ты постоянно меня преследуешь?

Как грубо. Значит, и она тоже считает, что я её преследую? Преследование — это преступление, и если она решит подать на меня жалобу... Похоже, в моей жизни сейчас полоса чернее некуда.

— Нет, слушай... Я всегда пользовался этим кабинетом, и этот усилитель тоже модифицирован мной, — объяснил я, сдерживаясь изо всех сил.

— Ты просто пользовался им без разрешения!

— Но Микодзима-сэнсэй мне тоже дала разрешение...

— Это комната для репетиций, а не место для того, чтобы ты бездельничал и попусту тратил время, слушая музыку!

Мафую оттолкнула меня в сторону. Отворив замок, она вошла в кабинет и закрыла дверь. Я замер и несколько секунд находился в раздумьях. Затем без задней мысли открыл дверь с такой силой, будто желая снести её с петель, и ворвался в комнату.

— Хватит относиться ко мне как к идиоту, попусту тратящим время. Жизнь в том и заключается, что человек тратит время до своей смерти.

— Тогда почему бы тебе сразу не умереть?

По-моему она только что сказала что-то невероятно жестокое.

— Не могу. Если я умру, моей матери и сестре будет очень грустно, — я позволил себе нести чушь.

— Думаешь, я не знаю, что твой единственный родственник — это никчемный отец?

Что это ещё за ответ такой? Чёрт, она что, читала статьи Тэцуро? Этот дурак постоянно меня в них упоминает. Например: «Адажио у этого дирижера идет так же медленно, как делает салат мой сын», и тому подобное.

— Я признаю, что он никчемный, и ты можешь считать его идиотом, если хочешь. Но крайним оказываюсь я. Извинись сейчас же — в основном передо мной!

— Само существование критиков уже само по себе доставляет неудобства. Они постоянно пишут ерунду.

Эй, эй, ты, что это говоришь? Мафую вдруг сделала серьёзное лицо, и казалось, она вот-вот заплачет. Хотя, почему я с ней спорю в таком месте?! От этой мысли я быстро успокоился.

— Сами-то они не играют. Они только поверхностно слушают, а потом начинают нести всякую чушь, прямо как ты сейчас.

— М-м, ну...

«Нести чушь» — моя отличительная черта. Я так и хотел сначала сказать, но, подумав, понял, что это очень глупый ответ. Поэтому, мне оставалось только перевести разговор.

— Это всего лишь гитара. Я тоже умею на ней играть!

Эти слова сорвались у меня с языка. Но это была не чушь.

Так как я слушаю рок, я тоже играл на гитаре, хотя это было ещё летом, когда я учился на втором году средней школы. Я нашёл старую акустическую гитару у себя в кладовке и начал упорно учиться играть на ней Stairway to Heaven*Исполнитель Led Zeppelin. Однако, теперь я к ней не притрагиваюсь.

Мафую прищурилась и холодно посмотрела на меня. У неё было такое выражение лица, как будто она хотела сказать: «Готова поспорить, ты просто опять несешь чушь».

Только я хотел снова заговорить, как Мафую вдруг подняла свою гитару, прислоненную к столу, и подключила её к усилителю. Затем она подошла ко мне и насильно надела на меня большие наушники.

— А?..

— Не шевелись!

Она нежно взяла медиатор двумя пальцами и провела по струнам. Я был резко поглощён потоком звуков. Среди диссонансов, постоянно меняющиеся ноты хлынули подобно водопаду с верха скалы. Затем последовало величественное, и в то же время зловещее арпеджио, а также плавная мелодия, похожая на чечётку. Было ощущение, будто оба звучания доносились из глубины долины.

Это... «Этюд № 12», десятый опус Шопена.

У меня в голове бушевала гроза, но её резко прервала внезапная каденция.

Я был потрясен. Мафую сняла у меня с головы наушники, и звуки реальности медленно влились в моё сознание. Стук моего сердца; звуки моего дыхания; рёв мотора на отдаленной дороге; радостные восклицания, сопровождающие игру бейсбольной команды — каждый звук казался нереальным. Мафую наклонилась и пристально посмотрела на меня, как будто говоря: «Твоё «умею играть» чем-то похоже на это?» Наступило тяжёлое молчание.

— Ты по-прежнему утверждаешь, что «это всего лишь гитара, я тоже умею на ней играть»?

Я помню, что она ещё и вздохнула.

Сначала мне хотелось произнести: «Хватит держать меня за идиота», — но у меня вышло бы неубедительно.

— Я уже тебе сказала. Убирайся. Это место предназначено для того, чтобы репетировать.

— Да что ты заладила про музыкальные инструменты? — пожаловался я. — То есть, ты хочешь сказать, если я принесу сюда гитару, то тоже смогу пользоваться кабинетом?

— Не подражай мне, если не способен на это. Пошёл вон!

Пока я пребывал в растерянности, Мафую вытолкала меня наружу.

Вскоре из-за плотно закрытой двери, сквозь щели, слышалось ещё одно произведение. Это «Траурный Марш» из «Второй сонаты в си-бемоль мажор» Шопена. Она умышленно нарывается? Нет, она ведь не в курсе, что музыка слышна снаружи... Чёрт.

Я опустил голову и опёрся руками об дверь. В течение какого-то времени, я позволял звукам гитары Мафую просачиваться в моё тело. Постепенно становилось невыносимо больно, но я не мог сдвинуться с места.

Я подумал — почему гитара?

Играла бы просто на своём фортепиано. Тогда я смог бы слушать, как ты играешь, и наивно думать: «Хотя она такая юная, её техника просто изумительна». Зачем тебе обязательно вторгаться в мой мир? Ведь почти все произведения, которые ты играешь — для фортепиано, разве не так? Что это за шутка такая?

«Не подражай мне, если не способен на это».

Я вспомнил слова Мафую. Мои плечи невольно опустились, и я убрал руки от двери. По сравнению с первоклассной техникой Мафую, навыки любого другого никуда не годились, кем бы он ни был. Особенно это касалось меня, так как я бросил гитару, поиграв на ней всего три месяца.

Ничего не поделаешь. Я без разрешения пользовался этим кабинетом — ведь то, что я мог слушать свои любимые альбомы на полной громкости, не надевая наушники — довольно заманчиво. Хотя мне он нужен только для этого. И без него обойдусь.

Я уже было повернулся, чтобы пойти в главное здание...

— Молодой человек, уже сдаёшься? — внезапно раздался позади меня голос.

Подпрыгнув от испуга, я быстро обернулся. Моим глазам предстала девушка в форме, сидящая на корточках на низкой крыше строения, прямо над дверью кабинета музыки. На её лице красовалась огромная бесстрашная ухмылка. Я не мог даже пошевелиться и просто бездвижно смотрел на неё.

Ч-что это за человек?..

У неё были красивые черты лица, и до ужаса пронзительный взгляд. Она была словно очень ухоженная кошка, сбежавшая из своего дворца, например, от какой-нибудь королевской семьи или из Египта. Посмотрев на цвет её значка на отвороте, я убедился, что она на втором году.

— Ты собираешься, упав духом, убежать сразу после того, как она тебя проучила? Так ты станешь настоящим капитулянтом, знаешь ли?

— М-м-м, ну... — я наконец смог двигать своими онемевшими ногами и отошел чуть-чуть назад.
— Что ты имеешь ввиду?..

Затем она начала напевать мотив «Рождён, чтобы проигрывать» Рэя Чарльза.

— Рождён, чтобы проигрывать. Тебе не кажется, что эта песня написана прямо про тебя?

— Мы все рождены, чтобы проигрывать. Разве не всегда так получается?

Нет, постойте, зачем я ей отвечаю? Надо бежать отсюда. Чую — все это не к добру. Лучше не приближаться к людям, подобным ей.

Она от души рассмеялась.

— Я смотрю, ты за словом в карман не лезешь, да? Это слегка успокаивает. Почему бы тебе не достать своё оружие. Твою страну уничтожает неприятель.

Сказав это, она постучала каблуками по двери кабинета. Почему я должен терпеть критику в свой адрес? И вообще, кто ты такая?

— Мафую ведь только что тебе сыграла. «Двенадцатый этюд» — «Революционный», — сказала она, вытянув указательный палец.

— М-м-м, — я кивнул и вдруг кое-что вспомнил...

На мне были наушники, так ведь? Откуда она узнала?

От её самодовольной улыбки и слон упал бы в обморок.

— Я слышу все революционные песни мира.

Она ловко спрыгнула с крыши, и её длинные волосы, заплетенные в косу, запорхали в воздухе, будто перья величественного дикого зверя. Она тихо приземлилась между мной и дверью, и затем тут же выпрямилась.

— Я хочу, чтобы Мафую стала моим товарищем. Поэтому, молодой человек, я нуждаюсь в твоей помощи. Пожалуйста, выручи меня.

Нет, стоп. Я действительно не понимаю, о чём ты, чёрт возьми, говоришь.

— Меня зовут Кагуразака Кёко.

Кагуразака. Где-то я уже слышал это имя. Я принялся копаться в своей памяти.

Ах, да, Чиаки упоминала это имя.

Кагуразака-сэмпай протянула мне руку.

— Кружок изучения народной музыки приветствует тебя — нашего нового члена.

Глава 6 — Траурный марш, встреча, бюджет

— Значит, ты утверждаешь, что случайно встретил Кагуразаку-сэмпай?

На следующее утро, пока мы сидели в кабинете, Чиаки пристально посмотрев на меня, задала этот вопрос.

— Ну да, — ответил я раздражённым тоном. — Правда, мне кажется, что она меня поджидала, а не я её случайно встретил.

— Значит... ты собираешься вступить в кружок?

— С чего бы это?!

— Потому, что сэмпай — такой человек... который обязательно получит то, что захочет.

Вчера, во дворе напротив кабинета музыки, Кагуразака-сэмпай сказала мне ту же самую ужасающую фразу, нацелив на меня указательный палец. «Если я что-то хочу, я сделаю всё возможное, чтобы получить это, всеми правдами и неправдами. Не важно, Эбисава Мафую это, этот кабинет или ты».

После того, как она мне это сказала, из кабинета музыки донесся «Траурный марш» Шопена, и так совпало, что играла как раз последняя часть, в которой на кладбище бушует ветер — на мгновение мне захотелось умереть.

Хватит напоминать мне об этих ужасных вещах! Благодаря Чиаки эти страшные воспоминания всплыли у меня в голове.

— Я слышала... что она всегда хотела гитару, которая стоит миллион йен. В результате она пошла работать в магазин, где продавалась эта гитара, и даже умудрилась выяснить, какая у продавца слаб... м-м-м, они с продавцом стали хорошими друзьями, и в итоге гитара досталась ей бесплатно.

— Это шантаж! Куда смотрела полиция?!

— Раз она смогла прибрать к рукам ту гитару, то заполучить Нао для неё вообще — раз плюнуть.

Так ты хочешь сказать, я и миллиона йен не стою?

— Состоять в кружке с таким человеком — я действительно не понимаю, что творится у тебя в голове.

— Но Кагуразака-сэмпай — офигенно крутая!

Хм-м... Она может показаться мне крутой, если я буду смотреть на неё с расстояния в два километра.

— Было бы неплохо жениться на ней, как думаешь?

— Валяй! Но в Японии однополые браки запрещены, так что поезжай в Канаду! — знаешь, Канада! — И больше никогда не возвращайся!

— Но ни я, ни сэмпай не умеем готовить. Не хочешь поехать с нами?

— При чём здесь я?!

Едва я ответил, задняя дверь класса открылась, и зашла Мафую. Как раз в тот момент прозвенел звонок, словно напоминая всем, что место, где они находятся — школа. Она посмотрела на меня краем глаза и затем молча села на своё место. Я раздражённо встал и вышел из кабинета.

Сзади слышались шаги.

— Что такое?

За мной увязалась Чиаки.

— Я иду в туалет! Не иди за мной.

— Я слышала от сэмпай... что ты проиграл Мафую.

Я замер на месте. Прозвенел звонок, означавший начало занятий, и коридоры быстро опустели. Остались только мы с Чиаки.

— Это нельзя считать поражением.

— Разве она не сказала... что тем, кто не играет на музыкальном инструменте, не разрешено приближаться к комнате... после чего ты убежал.

— Если ты думаешь, что можешь спровоцировать меня подобными высказываниями, ты очень сильно ошибаешься! Не стоит недооценивать мою невозмутимость! — услышав свои слова, мне невольно стало себя жаль.

— Нао, ты ведь умеешь играть на гитаре, да?

— Это нельзя назвать «умением играть» и, что самое главное... я выбросил гитару, которую тогда использовал, так что сейчас у меня её нет.

— Ничего страшного, начнёшь учиться заново! Можешь попросить сэмпай поучить тебя — у неё хорошо получается.

— Тогда почему не попросишь сэмпай напрямую пригласить Мафую вступить в группу? Она узнала, что Эбисава очень хорошо играет на гитаре, и хочет заодно захватить тот кабинет, чтобы использовать его для репетиций группы, так ведь?

Мне кажется, ни одна из этих вещей не имеет ко мне никакого отношения! Я могу лишь надеяться, что они оставят меня в покое.

Чиаки вдруг притихла... Чёрт, её взгляд говорил о том, что она может в любую минуту заплакать и ударить меня. Но почему? Я сказал нечто такое, что её разозлило?

— Ты не понимаешь, почему сэмпай приглашает тебя? Ты действительно думаешь, что ты всего лишь приложение к Эбисаве?

Слова Чиаки звучали так, будто она с трудом выдавливала их.

Я невольно напрягся, и, сделав несколько шагов назад, уперся спиной о стену коридора.

— Я... не... знаю...

— Ты идиот, каких мало, Нао! На твоих похоронах я скажу: «Жизнь Нао была такой скучной!»

После этого, Чиаки рванула обратно в кабинет.

Я зашел в туалет с тяжелым сердцем и сел на крышку унитаза. Что за бред?

Было бы здорово, умей я играть на гитаре, но... если бы я только мог заставить себя после того, как услышал игру Мафую. Я сидел на унитазе, обхватив колени, когда прозвенел звонок. Я не сдвинулся ни на сантиметр... Это был первый раз, когда я прогулял... а с начала учебного года прошел всего месяц — не слишком ли рано для этого? Это же мой первый шаг на пути к тому, чтобы стать абсолютно бесполезным учеником старшей школы!

В конце концов я послушно вернулся на второй урок. Я всё равно всегда сдаюсь на полпути, а зайти в зал игровых автоматов у меня не хватит смелости. К тому же, третий и четвертый уроки — физкультура. Если я прогуляю уроки физрука, потом будет страшно попадаться ему на глаза.

Посередине обеденного перерыва я направился к старому музыкальному зданию с мыслью, что нужно просто забрать оттуда все мои вещи. Когда я зашел во внутренний двор, то услышал звуки гитары, и создалось ощущение, будто они взбивали мой мозг. Значит, она и в обеденный перерыв играет? Вздохнув, я подумал, что стоит просто прийти в другое время. Только я собрался уходить, как мой взгляд привлекло нечто, лежавшее рядом с дверью кабинета. Это был... пакет для мусора. Что же в нем?

Когда я подошел к мешку и посмотрел внутрь, мое сердце вспыхнуло злостью. В мешке было огромное количество дисков: The Beatles; The Doors; Джими Хендрикс; The Clash — и все они из моей ценной коллекции! Как эта девчонка посмела?! Я с силой нажал на ручку и распахнул дверь. Меня атаковали звуки гитары, но потом они так же быстро исчезли.

— Разве я тебе не говорила, что тебе нельзя сюда входить?!

Мафую сидела на подушке на столе и обнимала свою гитару. Её брови были приподняты. Но я пока ещё не собирался отступить.

Я поднял мешок для мусора и яростно запротестовал:

— Что ты наделала?

— Шкафчик слишком маленький, так что я просто вынесла их.

— Чьи, по-твоему, эти диски?

— Не будь они твоими — я бы их не выбросила!

Я был настолько зол, что не мог придумать, что ответить. Что ещё за бред?!

— Эй, раз ты играешь на гитаре, то должна уважать великих первопроходцев рока!

И мою собственность тоже!

— Я не слушаю рок и ничего о них не знаю. Эти вещи мозолят мне глаза и без пользы занимают место, так что поскорей убери их!

Мафую вытолкала ошарашенного меня из кабинета и закрыла дверь. Затем послышалась «Соната для фортепиано № 12 в ля-бемоль мажор» Бетховена. Ещё один похоронный марш?! Она ведь это специально! И тогда у меня в голове вдруг появилась быстрая мелодия. Я прекратил пока слушать похоронный марш и собрался с мыслями... Чак Берри!

«Посторонись-ка Бетховен!»*Chuck Berry - Roll Over Beethoven

Она посмела сказать, что это пустая трата места? Но она ни разу их не слушала! Я пожертвовал пол своей жизни, слушая рок, а она оскорбляет его? Это настолько взбесило меня, что сначала мне хотелось поколотить в дверь, но в итоге я передумал. Моим рукам есть применение получше.

В обнимку с мусорным мешком я дошел до нашего классного кабинета. Выкладывая диски один за другим в стопку на парту, я начал думать, как мне побить Мафую... естественно, не в буквальном смысле. Подошли мои одноклассники: «Ты что, лавку открываешь?» «Здесь вся музыка — западная». Я не сильно обращал на них внимание, несмотря на то, что они, не переставая, что-то говорили.

Что же мне делать?.. Как мне её проучить? Решено — я дам ей взглянуть на величие рока. Однако, я не могу просто швырнуть ей диски, так что...

Я наконец смог найти альбом Чака Берри среди огромных стопок дисков. Засунув диск в плеер, я надел наушники. Занятия второй половины дня я провел, слушая его песни.

После школы я помчался домой, но забыл, что дверь следует открывать осторожно, и на меня обрушилась лавина дисков. Я аккуратно сложил их обратно, а затем снял ботинки и вошел в коридор. Из гостиной гремела музыка Брукнера.

— Тэцуро, мне надо с тобой кое-что обсудить!

Я открыл двери гостиной. Тэцуро сидел на диване с ноутбуком на коленях и с огромной скоростью печатал статью. Он сильно долбил по клавиатуре — ноутбуку скоро кронты.

Из колонок звучал бой литавр, и Тэцуро печатал в такт музыке — похоже, он не заметил моего прихода. Я безжалостно остановил проигрывание. Тэцуро сполз с дивана.

— Сын мой, что ты наделал? То, что меня раздражает больше всего — это когда симфония обрывается на третьей части — разве я тебе раньше не говорил об этом?

— Ты мужчина среднего возраста, жизнь которого как раз приостановила развитие в третьей части — думаешь, у тебя есть право говорить такое?

— Надо же, мой малыш Нао, где ты нахватался таких низких выражений? Папочке очень грустно!

Из твоих проклятых статей!

— Ты тоже иногда должен слушать, что я говорю, верно? Чего развалился? Сядь по-человечески! Не садись на ноутбук! Ты его раздавить хочешь?

Злобно прорывав и отругав Тэцуро, я наконец добился того, чтобы он сел в позу, в которой мог нормально меня выслушать.

— Ты хочешь что-то со мной обсудить?

— Да. Я созываю семейный совет.

— Что такое? У меня сейчас нет намерений жениться вновь! Но если на такой девушке, как Чиаки, я могу подумать об этом.

— Хватит мечтать, извращенец! В мире не найдется более человека, который захочет выйти за тебя замуж! И то, что я хочу обсудить, этого не касается!

— Тогда, что ты собираешься купить?

Тон Тэцуру вдруг стал серьёзным, и из-за этого я на какое-то время лишился дара речи.

— Ты что-то хочешь, так ведь?

— М-м... да.

Успокоив нервы, я сел на диван.

Естественно, я распоряжаюсь финансами нашей семьи, но это не значит, что я могу тратить деньги на что угодно. Мне приходится созывать семейный совет, если я захочу что-нибудь дорогое.

— Я... хочу гитару.

— У нас вроде была гитара, нет?

— Ты сломал её, когда размахивал ей на бейсбольном матче! Ты что, не помнишь?!

Он даже не дорожит своими музыкальными инструментами — у него вообще есть право быть музыкальным критиком?..

— Ты это ради девушки делаешь? — внезапно спросил Тэцуру.

— Э? Ч-что?

— Если парень вдруг захотел купить гитару, то для этого может быть только одна причина. Для того, чтобы нравиться девчонкам!

— Что за пургу ты несешь? Немедленно извинись перед всеми гитаристами на земле!

— Если ты честно не признаешься, я проголосую против.

Мне нечего было ему возразить. Почему с ним постоянно какой-то геморрой?!

— Сколько, думаешь, стоит гитара? На нормальную гитару нужно как минимум 50-60 тысяч йен. Из своих денег ты можешь потратить около двадцати тысяч, не так ли?

— Почему ты такой щепетильный, когда речь заходит о деньгах? — нахмурился я и откинулся на диван.

— Хочешь подзаработать? Просто напиши для меня пару статей.

Тэцуро подвинул ноутбук ко мне.

— Нет... Не хочу больше этим заниматься, — я отодвинул ноутбук.

Я помогал Тэцуро с некоторыми статьями, когда поджимали сроки. Сначала я думал, что у статей, написанных учеником средней школы, нет и шанса на публикацию в престижном музыкальном журнале, и я не ожидал, что редактор их пропустит. Наверное, это потому что Тэцуро их немного подправил. К слову, с тем журналом действительно всё в порядке? После того случая мои статьи часто публиковали в журналах или на обложках альбомов, и Тэцуро передавал мне за них оплату.

Но из заработанных на статьях денег, не вся сумма переходила ко мне в карман. Тэцуро сказал, что моя доля 30 %, а 70 % пойдут в семейный бюджет. Однажды я попытался запротестовать, сказав: «Почему я не получаю полную сумму того, что заработал?» — но он только ответил: «Потому что я в такой же ситуации!» Я не мог с этим поспорить. Поэтому, если я хочу купить то, на что у меня не хватает денег, мне приходится созывать семейный совет.

Другими словами, мне не придется делать подобного, если я буду писать больше статей от имени Тэцуро. И вот еще, что взять с музыкального журнала, в котором ни разу не заметили, что они печатают статьи школьника?.. К тому же, я хочу купить гитару сейчас, чтобы можно было сразу начать практиковаться, но, пройдет, по крайней мере, два месяца перед тем, как я смогу получить оплату за свои статьи.

— Отзывы на твои статьи довольно неплохие. Ты и вправду унаследовал мои навыки — просто невероятно! Сегодня с утра я смог написать всего две строчки — может, немного поможешь мне?!

Унаследовал твои навыки... пожалуйста, не говори больше подобные вещи. Я больше никогда не стану помогать тебе писать статьи!

— Если ты не хочешь помочь, тебе придется признать, что ты хочешь купить гитару, чтобы понравиться девчонкам! Иначе, я не разрешу тебе купить гитару.

— Почему ты так на этом настаиваешь?!

— Почему это «трус»? И да, мне... кое с чем нужна твоя помощь.

— Просьба? Что случилось? Я выслушаю тебя, но цена моей помощи — твое вступление в кружок.

— Ни за что. Слушай, ты не знаешь какой-нибудь нормальный магазин музыкальных инструментов?

— Магазин музыкальных инструментов? Зачем?

— Естественно, чтобы купить музыкальный инструмент. Я хочу купить гитару.

Хотя я немножко сожалел об этом, я всё равно сказал ей причину. Как я и ожидал, она настояла на том, чтобы до конца во всём разобраться:

— Почему-почему? Тебе кто-то приснился? Эрик Клэптон?

Я — не ты! И, к тому же, Клэптон еще жив!

— Неужели... это из-за того, что тебе сказала Мафую?

Я на секунду лишился дара речи.

— Ага! Молчишь. Я права!

— Да я не о том...

— Э-э-э, Нао и Эбисава...

Мы оба замерли на полуслове практически одновременно. Последовало молчание. Через трубку я услышал объявление о прибытии поезда — она, наверное, позвонила со станции, по пути домой... Чиаки наконец продолжила:

— Ну, я как раз собиралась домой... сходим вместе?

— М-м-м... тебе не обязательно идти. Просто скажи, где находится магазин, и я схожу один.

— Да ничего. Я постоянный покупатель, так что если пойдем вместе — будет скидка.

— Спасибо, но...

— А! Вот и поезд. Увидимся на станции.

Она повесила трубку прежде, чем я смог выговорить, что у меня было на душе. По непонятной причине её голос был непривычно хриплым. Мне было неловко, но я все равно достал 50'000 йен из конверта, в котором лежали деньги на семейные расходы, и положил их к себе в кошелек перед тем, как выйти из дома. Прежде чем сесть на велосипед, я положил руку на сердце и проверил ещё раз... Оно всё ещё горячее. Решение не было импульсивным порывом.

Чтобы добраться до магазина, о котором рассказала Чиаки, надо выйти из северного выхода со станции, а потом пройти вниз по мосту, пока не упрешься в лестницу. Спустившись по лестнице, увидишь магазин — он находится прямо там, где торговая улица доходит до жилого района. Он втиснут между двумя зданиями — слегка смахивает на корешок тонкой книги. Над входом висит вывеска «Магазин музыкальных инструментов Нагасимы». Здание было узковато, и на стенах, по бокам, сверху донизу, висели гитары — из-за этого магазин казался довольно устрашающим. Из него доносился вокал викинг-металла, что устрашало ещё больше.

Перед тем, как мы вошли в магазин, Чиаки сказала мне: «Я здесь постоянный покупатель, и если ты постарайся и поторгуешься, то точно получишь хорошую скидку». Торговаться мне доводилось редко, так что уверенности у меня было не слишком много.

— Но почему ты снова решил играть на гитаре? Сегодня утром у тебя не было особого энтузиазма...

Она все-таки спросила об этом.

— Хм-м... Мне просто вдруг захотелось поиграть.

— Я тебя не один день знаю. Ты не из тех людей, кто делает что-то ни с того ни сего, но... ладно. Здравствуйтесь.

Чиаки схватила меня за руку и зашла внутрь. Даже пол был заставлен гитарами на подставках. Я прошел мимо них вглубь магазина. Наконец, среди груд дисков и нот, мы нашли прилавок — по какой-то странной причине, на меня нахлынула ностальгия.

— Эй, шеф!

После того, как Чиаки это сказала, из двери позади прилавка вышел мужчина. Его вьющиеся волосы были зачесаны назад. Молодой, но на его усталый вид было жалко смотреть — он, напоминал картофелину, которую, выкопав, оставили лежать на солнце три недели.

— А, Чиаки. Прощу прощения, но я занят...

— Ну извини, но вот он обычный покупатель. Этому парню нужна гитара.

Когда Чиаки уже потащила меня к нему, в дверях за прилавком показался ещё один человек.

— Шеф! Струны совсем не сходятся в учёте... м-м-м?

— Э? Сэмпай, ты сегодня работаешь?

Стоя между Чиаки и прилавком, я обалдел. На Кагуразаке-сэмпай был зелёный фартук, с логотипом магазина. В её руках была учётная книжка. Как? Что она здесь делает?

— А, товарищ Айхара. Сегодня внеплановая инвентаризация, но у нас нехватка персонала. Кстати, мы снова встретились, молодой человек. Как удобно. Наберись смелости и присоединись к нашему кружку.

— М-м... э, нет... А-а-а, почему?..

Да, Чиаки действительно говорила, что сэмпай работала в магазине музыкальных инструментов, чтобы заполучить гитару... Так она имела в виду это место? Я должен был догадаться... Чёрт, меня провели! Это подстава!

— Не торопись! Это мой магазин, так что смотри, сколько хочешь.

— М-м-м, это мой магазин... — немощно запротестовал владелец.

— Твой магазин — значит и мой магазин, правильно? Кстати, количество струн Martin Extra в учёте не совпадает. Ты их положил куда-то в другое место?

— А, нет... Да и откуда я могу это знать, если за все должен отвечать менеджер?

— Ты абсолютно бесполезен...

Владелец, казалось, был на грани слез.

— Ничего не поделаешь. Молодой человек, у меня есть немного свободного времени, так что я помогу тебе. Что-нибудь нужно?

— Э? Н-ну, покупать я ничего не собирался, — тут же соврал я.

— Он хочет купить гитару. Что посоветуешь, сэмпай? — вмешалась Чиаки. Отпираться было

бесполезно.

— Хм-м. В какую сумму ты хочешь уложиться, молодой человек?

— Ну...

— О, достаточно крупная сумма! Почти 50'000 йен.

— Не бери мой кошелек без разрешения! И не ройся в нём!

Я выхватил кошелек из рук Чиаки.

— 50'000, значит... За те деньги, которые у тебя есть, можно купить только дешёвки вот здесь, но это пустая трата денег.

— Не говори так... — съёжившись, сказал владелец. Я не знал, как его зовут, но во мне уже пробудилась жалость к нему.

— Молодой человек, тогда как насчёт вот чего. Мы сыграем в «Камень, ножницы, бумага». Если ты выиграешь, я продам тебе завалявшуюся на складе гитару, которая стоит 100'000 всего за полцены. Если выиграю я, то я подберу гитару в пределах твоей суммы. Как тебе такое предложение?

— Пстой, Кёко. Нельзя же быть такой неосторожной, — владелец был взволнован.

— Говоришь, за полцены?.. А ничего, что так дешево?

— Не беспокойся. В первой главе «Капитала» чётко написано: люди продают свой труд покупателю не для того, чтобы удовлетворить его личные нужды, а чтобы увеличить свой капитал.

— Я не совсем понял...

— Проще говоря, это значит, что большинство инструментов здесь продаются по невероятно завышенным ценам, так что даже если их продавать за полцены, прибыль всё равно будет.

— Кёко... — владелец был на грани отчаянья.

— Он меня слишком раздражает, так что давай сыграем на улице. Молодой человек, ты принимаешь мой вызов или нет?

Кагуразака-сэмпай схватила меня за руку и вытащила из магазина.

Хотя мне было жалко владельца, но то, что сказала Кагуразака-сэмпай, тоже, было логично. Наверное, это даже слишком хорошо, ведь я ничего не терял.

— Если взамен на то, что ты по дешёвке продашь мне гитару, ты хочешь, чтобы я вступил в твой кружок, то я возвращаюсь домой.

— У меня нет необходимости ставить какие-либо условия. К тому же, я не думаю, что проиграю рождённому проигрывать.

Чёрт, до чего же она бесцеремонная.

— Хорошо, я понял. Ты ведь продашь мне нормальную гитару вне зависимости от результата игры, правильно? Ты не продашь мне брак?

— Разумеется! Клянусь именем и репутацией магазина!

— Ну... хорошо.

— Готов? Я дам тебе фору.

Кагуразака-сэмпай довольно улыбнулась и указала на нечто, что она держала двумя пальцами. Это... медиатор. Э? Между указательным и средним пальцами?

Это значит, что она не покажет ножницы? Нет, стоп... Это ловушка? Она вводит меня в заблуждение, чтобы загнать в ловушку? «Камень, ножницы, бумага», — сказала сэмпай, я сразу же выкинул камень. Она выпрямила пальцы, показывая бумагу — медиатор выскользнул у неё из руки и упал на землю.

— Молодой человек, ты довольно наивен.

Она нежно похлопала меня по голове. Это было слишком хитро! На самом деле, вместо того, чтобы называть сэмпай хитрой, может мне стоит винить себя за то, что так легко попался в её ловушку? Сэмпай победоносно улыбнулась, а стоящий за ней хозяин магазина облегченно вздохнул.

— Ну... Я пойду на склад, чтобы выбрать наилучшую гитару в пределах твоей суммы.

Я слегка успокоился и присел на корточки. Чиаки подошла ко мне и сказала:

— Нао, какой же ты слабак...

— Заткнись...

— Ты проиграл в тот момент, когда принял вызов.

Я поднял голову и, увидев, как сэмпай выносит со склада серую гитару, я наконец понял, что имела в виду Чиаки.

— Эта Aria Pro II стоит 54'600 йен. Ну, если я округлю, то будет как раз 50'000.

— М-м... У неё всего четыре струны?

— Хм-м? Ты не знал? Это бас-гитара. В отличие от обычной, у неё на две струны меньше, а высота звука на октаву ниже.

— Нет, уж это-то я знаю. Но почему ты продаешь мне бас-гитару?

Я пришёл за обычной!

— Бас-гитара — тоже гитара, разве нет?

— М-м-м, ну... но...

Чиаки положила руку мне на плечо и сказала:

— Потому что у кружка изучения народной музыки нет басиста — вот так-то. Теперь ты понял?

Мне понадобилось пару секунд, прежде чем в шоке осознать — я попался в её ловушку. Она изначально хотела выбрать «гитару, которую я куплю», и поэтому она дала обещание, что я получу гитару независимо от результата. Идиотом, который не разгадал её замысел... был я.

— П-погоди...

— Меня не интересуют слова проигравшего. Чек нужен? — с улыбкой сказала Кагуразака-сэмпай.

Так значит, у неё есть и милая сторона...

— Я никогда не задумывался о том, чтобы играть на бас-гитаре...

— Ну, ты и на обычной гитаре не умеешь играть, так ведь?

Сэмпай быстро пресекла мой слабый протест.

— И ты хочешь бросить вызов Эбисаве Мафую, так?

— А-а-а...

Я на секунду лишился дара речи.

— Эта девчонка может играть Шопена и Листа с помощью одной лишь гитары. Молодой человек, судя по твоим нынешним навыкам, у тебя нет ни малейшего шанса победить её!

Я особо и не бросал вызов, просто...

— Но с бас-гитарой ты сможешь выиграть.

Кагуразака-сэмпай сунула тяжелый бас мне в руки.

— Я позабочусь о том, чтобы ты одержал победу.

<http://tl.rulate.ru/book/23394/485607>